

права потерпевших не нарушаются, так как те сами писали заявление о привлечении лица, совершившего преступление к уголовной ответственности. Из этого можно сделать вывод, что на практике заявления потерпевших о примирении не рассматриваются как их ходатайства. Результатом, на мой взгляд, является то, что в прокуратуру поступает значительное количество жалоб, связанных с тем, что потерпевший написал заявление о прекращении уголовного дела, но дело не прекратили, а направили в суд.

Если соглашение о примирении составлено лицом, в производстве которого находится уголовное дело, и приобщено к данному уголовному делу, но в силу особой общественной значимости данное уголовное дело не будет прекращено за примирением сторон, а будет направлено в суд, то в этом случае соглашение о примирении и заглаживании причиненного потерпевшему вреда может использоваться в суде в качестве смягчающего обстоятельства, если только суд сам не прекратит дело за примирением сторон.

Литература

1. Илюхина С.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по основаниям, предусмотренным в ст. 25, 28 УПК РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004.
2. Рубинштейн Е.А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

В.В. Васин

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Юридический институт Томского государственного университета

Действующее уголовно-процессуальное законодательство разделило участников судопроизводства на стороны обвинения и защиты и, избавив суд от несвойственных ему обвинительных функций, связанных с возможностью уголовного преследования и обвинительной деятельностью закрепило равенство сторон обвинения и защиты перед судом.

Без преувеличения можно говорить о коренном изменении всей конструкции уголовно-процессуального познания в суде, о новом процессуальном «режиме» судебного познания при рассмотрении уголовного дела.

Современное понятие «доказывания» характеризуется с двух сторон: как выполнение практических действий по установлению обстоятельств имеющих значение для правильного разрешения дела, и как процесс аргументации, отстаивания своей позиции по делу.

И в том, и в другом случае это определенный процесс, протекающий во времени. Процесс этот конечен и всегда должен привести к определенному статическому результату или состоянию в процессе. Это состояние мы бы назвали «доказанностью».

Не случайно первые два вопроса, которые суд должен разрешить в совещательной комнате начинаются со слов: «доказано ли...», именно доказанность обстоятельств, указанных в этих двух вопросах и позволяет суду перейти к разрешению следующих вопросов (ст.299 УПК РФ). По своему внут-

реннему содержанию доказанность характеризуется двумя критериями: объективным и субъективным.

С объективной стороны доказанность означает, что соответствующим субъектом выполнены все предусмотренные законом действия и использованы все предусмотренные законом средства для обоснования своей позиции по делу.

С субъективной стороны термин «доказанность» мы понимаем, как состояние убеждения и готовности суда действовать сообразно убеждению, т.е. это возможность на основе исследованных, а при необходимости и проверенных данных принять решение по уголовному делу, в нашем случае – постановить приговор.

Таким образом, внешне состояние доказанности может выражаться в виде единственного процессуального документа – приговора, а постановление приговора – есть определение судьбы предъявленного в рамках уголовного дела обвинения (согласится суд с ним, изменит, либо отвергнет это обвинение) и возможно только в результате судебного разбирательства. А если это так, то все предыдущие суждения по делу, в том числе и доводы органов расследования, высказанные в обвинительном заключении и позиции сторон, высказанные в прениях – это всего лишь мнения, а доказательства, на которые стороны при этом ссылаются – это всего лишь аргументы, представляемые суду с тем «чтобы склонить суд признать утверждаемую ими пока только субъективную истину истиной объективной» [1, с. 9–10].

Но когда эти аргументы приняты судом и они прозвучали в приговоре – тогда они и стали доказательствами по делу и на них основано судебное решение. Это и есть прямое их назначение.

Очевидно, что доказывание в суде и в досудебном производстве имеет существенное различие: так в досудебном производстве доказывание характеризуется властным поведением стороны обвинения. Именно властное положение стороны обвинения и позволяет решать, какие сведения будут использованы в качестве доказательств по уголовному делу и представлены суду для исследования, а какие – нет.

Реального механизма участия в этом процессе стороны защиты в законе не предусмотрено. Суд при этом ни юридически, ни фактически отношения к процессу доказывания не имеет.

Необходимо отметить тот факт, что органы досудебного производства при получении знаний о совершенном преступлении – доказательств по делу, используют, образно выражаясь, «первичную среду», т.е. показания людей, данные ими на допросах, заключения экспертов и результаты исследования вещественных доказательств, обнаруженных по делу.

Суд вновь допрашивает тех же людей, а зачастую и экспертов, проводивших соответствующие исследования. Оформленные в результате предварительного расследования материалы уголовного дела в судебном следствии становятся «вторичной средой», из которой суд получает необходимые знания о преступлении, а показания, данные непосредственно в судебном следствии – «первичной средой». Таким образом, судебное уголовно-процессуальное познание по конкретному уголовному делу складывается из знаний, уже полученных органами досудебного производства и представленных суду в виде материалов уголовного дела, а также знаний, полученных судом непосредственно во время судебного следствия.

Кроме того, совершенно другой характер доказывание приобретает в суде при рассмотрении дела по существу: в первую очередь меняется процессуальное положение самих субъектов доказывания. Обвинение уже не имеет властных полномочий и становится перед судом стороной равноправной с защитой. Процессуальная власть по уголовному делу переходит к суду, теперь суд – хозяин процесса.

Несмотря на такую очевидную разницу в процессуальных режимах доказывания, нормы, регу-

лирующие эту важнейшую деятельность, в законе расположены единым блоком (Доказательства и доказывание) в Общих положениях Кодекса. При этом в статьях 86 и 87 УПК РФ суд указан в одном ряду с дознавателем, следователем и прокурором, что создает впечатление об отсутствии разницы в их положении и поведении в этой процессуальной деятельности. Между тем, разница велика и никем не оспаривается, при этом нигде в УПК РФ мы не найдем упоминания о защите через запятую с судом.

В этой связи, по нашему мнению, в настоящее время назрел концептуальный вопрос об отделении доказывания в досудебном производстве от доказывания в суде.

Такой подход позволил бы более точно регламентировать судебные действия, связанные с процессом доказывания при рассмотрении уголовного дела по существу и навсегда отделить эту судебную деятельность от «подобной» на досудебных стадиях.

Слово «подобной» мы намеренно взяли в кавычки, поскольку доказыванием эта деятельность стороны обвинения в современных условиях состязательного процесса не является и являться не может, т.к. с нашей точки зрения не влечет правового процессуального последствия в виде состояния доказанности. В досудебном производстве уголовное дело можно только подготовить, т.е. собрать необходимую информацию о событии прошлого (преступлении) для доказывания позиции обвинения в суде.

Таким образом, именно судебные действия порождают доказательства с судебно-процессуальной точки зрения и их принятие влечет правовые последствия в виде судебного решения, а доказывание в суде, как уголовно-процессуальная деятельность, не может начинаться и не начинается с собирания доказательств, как это указано в ст. 85 УПК РФ.

Реальное рассмотрение любого уголовного дела в судебном заседании начнется, и всегда начиналось с того, что подсудимому излагается существо предъявленного ему обвинения¹. Это обвинение уже построено на определенных данных, добытых органами уголовного преследования, эти данные уже поставлены под сомнение в полном объеме или частично стороной защиты, которая суду представляет свои аргументы. То есть в судебном заседании процесс доказывания начинается не с собирания и проверки доказательств, а с фактического предъявления их суду для исследования².

¹ В этом смысле мы поддерживаем мнение профессора Ю.К. Якимовича о том, что от понятия «подсудимый» необходимо отказаться как от амбициозного, заменив его на «обвиняемый в суде», что более точно отражает его процессуальный статус и отвечает презумпции невиновности.

² Подробный анализ всех элементов доказывания и взглядов по этому поводу в литературе не является целью нашей работы. Мы исходим только из того обстоятельства, что начальный момент доказывания в суде при рассмотрении уголовного дела не связан с собиранием (обнаружением, фиксацией и т.п.) доказательств – они уже суду представлены.

Источником знаний, которые суд получает при этом, с одной стороны служит информация (или сведения) представленная стороной обвинения в материалах уголовного дела, с другой стороны – информация (или сведения), получаемая судом непосредственно путем выполнения процессуальных действий в ходе судебного следствия

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу о возможности сформулировать судебное уголовно-процессуальное познание следующим образом.

С одной стороны – как практическую деятельность суда при равноправном участии сторон обвинения и защиты по получению знаний о совершенном преступлении путем исследования информации, представленной в суд в материалах уголовного дела, а также информации, получаемой судом непосредственно в ходе судебного следствия с целью установления фактических обстоятельств дела (установления материальной истины по делу) и принятия соответствующего решения по делу о применении или неприменении соответствующих норм уголовного права, а также – о назначении или не назначении уголовного наказания.

С другой стороны – как логическую мыслительную деятельность по установлению соответствия информации представленной в материалах уголовного дела, информации представленной сторонами и исследованной в судебном следствии, а также даче этой информации соответствующей уголовно-процессуальной, а содеянному – уголовно-правовой оценки, а также принятия соответствующего решения по существу предъявленного обвинения.

От момента, когда судья открывает судебное заседание и объявляет дело, подлежащее слушанию и до момента, когда суд покидает совещательную комнату и мы слышим: «Именем Российской Федерации...» не только проходит определенное время, но и качественно меняются представления суда об уголовном деле. Решающим признаком этих изменений является внутреннее убеждение¹, которое исключительно и может лежать в основе принимаемого решения.

Решение это должно быть гарантировано от опасных ошибок, ибо «государство не есть семья, где несправедливый поступок заглаживается лаской» [3, с. 3].

На пути к убеждению суду предстоит преодолеть многие препятствия: неведение и сомнения, преодолев которые, суд получает новые знания. Эти знания нужны не сами по себе, а в качестве строительного материала, из которого убеждение и складывается.

Состояние убеждения имеет определенную качественную характеристику. Очень точно по этому поводу в свое время высказался Л.Е. Владимиров: «... между простою мыслью и убеждением различие может быть установлено единственно при помощи критерия «готовности действовать сообразно убеждению», готовности, выражающей практически силу убеждения» [4, с. 13].

Формируется такое убеждение в условиях отличных от условий досудебного производства и отличия эти заслуживают отдельного внимания.

Наряду с общепроцессуальными принципами в его основе лежат особенные принципы, которые характерны только для судебного познания и обеспечивают этому познанию соответствующее качество. Значение этих принципов определяется уже тем обстоятельством, что они закреплены в законодательстве как самостоятельные условия судебного разбирательства.

Речь идет о таких началах судебного разбирательства, как непосредственность и устность.

Именно эти принципы устраняют излишних посредников между судом и исследуемым событием. Они дают возможность суду встретиться с преступлением лицом к лицу, проверить своими чувствами достоинства и недостатки представленных доказательств.

Перед судом в течение судебного разбирательства, сменяя друг друга, проходят все участники судопроизводства, с помощью которых в суде восстанавливается событие прошлого. Мимо внимания суда не могут пройти никакие материалы предварительного расследования, суд не может никому поручить выполнение никаких действий из судебного разбирательства, только непосредственное восприятие и обеспечивает в дальнейшем возможность судебной оценки и соответствующих судебных выводов.

Устность означает, что судебное познание основано на специальном требовании: все фактические данные, содержание любого доказательства должны быть оглашены и озвучены в судебном заседании, без чего они не могут быть положены в основу принимаемого решения.

Не менее, а может быть более важным для обеспечения судебного познания является гласность или публичность судебного разбирательства. Именно этому условию уделялось особенное внимание в работах авторов классического периода отечественного судопроизводства.

Приведем лишь некоторые их мысли по этому вопросу: «При отсутствии гласности нельзя ожидать, чтобы граждане относились к суду с подобающим до-

¹ Слово «убеждение» согласно словарям Линде и Даля, имеет корнем слово «беда» и означает как бы уклонение от беды, избежание беды, происходящей от неведения. См.: [2, с. 164].

верием: мы можем доверять только тому, что хорошо знаем. А не будет у общества к суду доверия, нельзя ожидать, чтоб кто-нибудь проявил желание помочь делу правосудия самым активным участием; неведомого таинственного суда всякий будет чураться, как чего-то страшного, и все будут отзываться, как и прежде, неведением, лишь бы не попасть свидетелем по делу и избавиться от бесполезных и тяжелых хлопот и волнений. Сознания, что суд близкое для всех дело, не может быть без гласности» [5, с. 18].

«На глазах публики самый деспотический чиновник становится умеренней, самый смелый – более осторожным; на глазах публики судья будет держаться с достоинством без высокомерия и соблюдать равенство без унижения. Ели бы даже в сердце его была несправедливость, он все-таки против воли будет справедлив, не решится употребить уловки, потому, что все, что он делает, может послужить доказательством против него; он будет чувствовать, что не может произнести никакого решения без того, чтобы самому не подвергнуться свободной оценке и критике, суду и каре общественного мнения», и еще: «Главнейшие пороки, разъедавшие юстицию, совпадали с теми историческими эпохами, когда отправление правосудия пряталось в четырех стенах. Чем более суды были тайны, тем более они были ненавистны. Средневековой тайный суд, инквизиция, совет десяти опозорили те правительства, которые их установили. Им приписали, может быть, в сто раз более преступлений, чем, сколько они совершили» [6, с. 5].

Понимая, что приводим обширные цитаты, считаем, что сократить их невозможно, равно как и не привести, добавить к ним нечего, да и сильнее не скажешь, кроме того, считаем, что такие цитаты должны украшать как студенческие аудитории, так и залы судебных заседаний.

В досудебном производстве по уголовному делу очень часто бывает так, что на происшествие выезжает один следователь, возбуждает уголовное дело другой, который своими глазами не видел обстановки преступления, обвинение предъявляет третий, а обвинительное заключение составляет тот, кто дело и не расследовал.

В прокуратуре уголовное дело изучает помощник прокурора, который непосредственно никогда не видел ни одного из участников по делу, утверждает обвинительное заключение прокурор, который не только не видел никого из участников уголовного процесса по конкретному делу, но и этого уголовного дела может уже больше никогда не увидит. В суде участвует обвинитель, который уголовное дело может увидеть впервые в кабинете у судьи или на столе – в зале судебного заседания.

Такое «эпизодическое» или отрывочное участие каждого из названных субъектов процесса нередко влечет соответствующий уровень качества расследования и результат рассмотрения дела в суде. Было бы правильно, по нашему мнению, вернуться к положению, предусмотренному еще Уставами Уголовного судопроизводства, когда по окончании досудебного производства прокурор сам составлял обвинительное заключение.

В суде такое положение дел невозможно и по закону недопустимо, поскольку есть правило о неизменности состава суда. Именно это правило и обеспечивает качественную составляющую судебного познания при рассмотрении уголовного дела. Суд в одном и том же составе непосредственно познает все по делу от начала и до конца судебного разбирательства, что и позволяет ему получить истинные знания о происшедшем и на основе их анализа принять соответствующее решение по делу.

Литература

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1910.
2. Там же. Т. 2.
3. Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. Тула, 1901.
4. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.
5. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997.
6. Терновский Н.А. Указ. Соч.